

Джону и Шарон Мартин посвящается

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Агрикола* — гвентский полководец
Амхар — незаконный сын Артура, близнец Лохольта
Арганте — принцесса Деметии, дочь Энгуса Макайрема
Артур — незаконный сын Утера, думнонский полководец, опекун Мордреда
Артур-бах — внук Артура, сын Гвидра и Морвенны
Балиг — кормщик, шурин Дерфеля
Бализ — бывший друид Думнонии
Балин — один из воинов Артура
Биртиг — король Гвинедда
Борс — двоюродный брат Ланселота, его первый воин
Брохваэль — король Повиса в послеартуровское время
Будик — король Броселианда, женат на Анне, сестре Артура
Гавейн — принц Броселианда, сын короля Будика
Галахад — единокровный брат Ланселота, один из воинов Артура
Гвидр — сын Артура и Гвиневеры
Гвиневра — жена Артура
Дафидд — писец, переводит повесть Дерфеля
Дерфель — рассказчик, один из воинов Артура, впоследствии монах
Диурнах — король Ллейна
Ирейна — королева Повиса после смерти Артура, супруга Брохваэля
Исса — заместитель Дерфеля
Каддог — лодочник, некогда слуга Мерлина
Кайнвин — сестра Кунегласа, возлюбленная Дерфеля
Кердик — король саксов

- Килдидд* — магистрат Аква-Сулис
Киууилог — некогда любовница Мордредра, служанка Мерлина
Кулух — двоюродный брат Артура, один из его воинов
Кунеглас — король Повиса
Ланваль — один из воинов Артура
Ланселот — изгнанный король Беноика, ныне союзник Кердика
Лиова — первый из воинов Кердика
Лладарн — епископ Гвентский
Лохольт — незаконный сын Артура, близнец Амхара
Мардок — сын Мордредра и Киууилог
Мерлин — друид Думнонии
Морвенна — дочь Дерфеля и Кайнвин, замужем за Гвидром
Моргана — сестра Артура, замужем за Сэнсамом
Мордред — король Думнонии
Морфанс — один из воинов Артура, прозванный Уродливым
Мэуриг — король Гвента, сын Тевдрика
Ниалл — предводитель отряда черных щитов при Арганте
Нимуэ — жрица Мерлина
Олвен Серебряная — помощница Мерлина и Нимуэ
Передур — сын Ланселота
Пирддил — сын Кунегласа, впоследствии король Повиса
Пирлиг — бард Дерфеля
Саграмор — предводитель одного из военных отрядов Артура
Серена (1) — дочь Дерфеля и Кайнвин
Серена (2) — дочь Гвидра и Морвенны, внучка Артура
Скарах — жена Иссы
Сэнсам — епископ в Дурноварии, впоследствии настоятель монастыря в Динневраке
Талиесин — Сияющее Чело, знаменитый бард
Тевдрик — некогда король Гвента, теперь — христианин и отшельник
Тудвал — монах-послушник в Динневраке
Утер — некогда король Думнонии, дед Мордредра, отец Артура
Фергал — друид Арганте
Хигвидд — слуга Артура
Хлодвиг — король франков
Эахерн — один из копейщиков Дерфеля
Эйнион — сын Кулуха

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Элла — король саксов

Эмрис — епископ Дурноварии, впоследствии епископ Иски Силурийской

Энгус Макайрем — король Деметии, предводитель черных щитов

Эрке — саксонка, мать Дерфеля

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ¹

*Аква-Сулис** — Бат, Эйвон

*Беадеван** — Баддоу, Эссекс

*Бурриум** — Уск, Гвент

*Вента** — Винчестер, Гемпшир

*Викфорд** — Уикфорд, Эссекс

*Глевум** — Глостер

*Гобанниум** — Абергавенни, Монмутшир

Дун-Карик — Касл-Кэри, Сомерсет

*Дунум** — Ход-хилл, Дорсет

*Дурновария** — Дорчестер, Дорсет

*Инис-Веир** — остров Ланди в Бристольском заливе

*Инис-Видрин** — Гластонбери, Сомерсет

*Иска Думнонийская** — Экстер, Девон

*Иска Силурийская** — Карлеон, Гвент

*Камлани** — местонахождение с точностью не установлено; в качестве гипотезы предлагается Долиш-Уоррен, Девон

Кар-Амбра — Эмсбери, Уилтшир

Кар-Кадарн — Саут-Кэдбери, Сомерсет

*Келмересфорт** — Челмсфорд, Эссекс

*Кориниум** — Сайренсчестер, Глостершир

*Лактодурум** — Тоустер, Нортгемптоншир

*Леодасхам** — Лиден-Родинг, Эссекс

*Линдинис** — Илчестер, Сомерсет

*Личворд** — Летчуорт, Хартфордшир

*Май-Дан** — Девичий замок, Дорсет

¹ Названия мест, отмеченных звездочкой, упоминаются в исторических хрониках.

*Минидд-Баддон** — местонахождение с точностью не установлено; в качестве гипотезы предлагается Малый холм Солсбери, близ Бата

*Моридунум** — Кармартен

*Сорвидунум** — Олд-Сарум, Уилтшир

*Стеортфорд** — Бишопс-Стортфорд, Хартфордшир

*Тунресли** — Тандерсли, Эссекс

*Цикуциум** — римская крепость близ Сеннибриджа в Повисе

Часть первая

КОСТРЫ МАЙ-ДАНА

Глава 1

Женщины вторгаются в мою повесть, словно так и надо.

Когда я только начал составлять жизнеописание Артура, я думал, что получится повесть о мужах — хроника мечей и копий, выигранных битв и пересмотренных границ, нарушенных договоров и поверженных владык, ибо не так ли сказывается сама история? Когда мы перечисляем предков наших королей, мы же не называем их матерей и бабушек, но говорим: Мордред ап Мордред ап Утер ап Кустеннин ап Кюннар и так далее, вплоть до великого Бели Маура, а он — отец нам всем. История — это повесть, рассказанная мужами, и творят ее мужи, однако в моей повести об Артуре женщины сияют ярким светом — вот так лосось проблескивает в торфяно-черной воде.

Да, историю творят мужи, и не буду отрицать, что именно мужи Британию погубили. Нас были сотни, все облачены в железо и в кожу, вооружены щитами, мечами и копьями, и думали мы, что Британия в наших руках, ибо мы — воины. Но чтобы погубить Британию, понадобились как мужчина, так и женщина, а из них двоих женщина причинила наибольший вред. Она сотворила проклятие — и уничтожила целое воинство. Так что ныне сказывается ее повесть, ибо она была врагом Артура.

— Кто она? — спросит Игрейна, дочитав до этого места.

Игрейна — моя королева. Она наконец-то беременна, что для нас для всех — великая радость. Ее супруг — король Брохваэль Повисский, а я живу под его покровительством в небольшом монастыре Динневрак и пишу повесть об Артуре. Пишу

по повелению королевы Игрейны — сама она слишком юна, чтобы помнить императора. Так мы называем Артура — император, «амхераудр» по-бриттски, хотя сам Артур этим титулом пользовался редко. Пишу на языке саксов, потому что я сакс и еще потому, что епископ Сэнсам, святой и глава нашей маленькой общины в Динневраке, в жизни не позволил бы мне писать об Артуре. Сэнсам ненавидит Артура, порочит его память и зовет его предателем. Мы с Игрейной сказали святому, будто я перевожу Евангелие Господа нашего Иисуса на саксонский, а поскольку Сэнсам по-саксонски не говорит, а читать не умеет вообще ни на каком языке, благодаря нашему обману записки пока что в безопасности.

А повесть между тем становится все мрачнее, рассказывать ее все тяжелее. Иногда, задумавшись о возлюбленном мною Артуре в зените славы, я вижу словно бы солнечный полдень, и однако ж, как быстро сгущаются тучи! Позже — до этого мы еще дойдем — тучи расступились и солнце вновь согрело мягким светом горизонты, а после наступила ночь — и солнца мы уже не видели.

Не кто иная, как Гвиневера, омрачила полуденное солнце. Это случилось во время мятежа, когда Ланселот, коего Артур почитал другом, попытался захватить трон Думнонии. Ланселота поддержали христиане, одураченные своими вождями, и епископом Сэнсамом в том числе: христианам внушили, будто их священный долг — очистить страну от язычников и подготовить остров Британия ко второму пришествию Господа Иисуса Христа в году пятисотом. А еще Ланселоту помог саксонский король Кердик: он обрушился на наши земли и прошел с войском вдоль долины реки Темзы, рассчитывая разделить Британию надвое. Если бы саксы достигли моря Северн, вот тогда северные бриттские королевства и впрямь оказались бы отрезаны от южных, однако ж, милостью богов, мы разгромили не только Ланселота и его христианский сброд, но и Кердика. Правда, в ходе этой войны обнаружилась измена Гвиневеры. Артур застал ее обнаженной в объятиях другого, и словно бы солнце зашло с его небосклона.

— Ничегошеньки не понимаю, — пожаловалась мне однажды Игрейна в конце лета.

— Чего ты не понимаешь, милая госпожа? — спросил я.

— Артур ведь любил Гвиневеру, так?

— Любил.

— Так как же он мог не простить ее? Я же простила Брехваэля за Нвилле.

Нвилле была полюбовницей Брехваэля, однако подцепила какую-то кожную болезнь и лишилась всей своей красоты. Подозреваю — хотя напрямую я не спрашивал, — что Игрейна прибегла к наговору, дабы наслать недуг на соперницу. Моя королева, возможно, и зовет себя христианкой, однако христианство — не та религия, что дарует своим приверженцам сладость мести. Для этого надо пойти к старухам: старухи знают, какие травы собрать и какие заклинания прочесть под убывающей луной.

— Ты простила Брехваэля, — кивнул я, — но простил бы Брехваэль тебя?

Королева поежилась:

— Конечно же нет! Он бы сжег меня заживо: таков закон.

— Артур мог бы сжечь Гвиневеру, — согласился я, — и многие ему это советовали, но он и впрямь любил ее, любил страстно, вот поэтому не смог ни казнить ее, ни простить. Во всяком случае, сначала.

— Ну и глупец! — отрезала Игрейна. Она совсем юна и судит с блестящей безапелляционностью юности.

— Он был очень горд, — возразил я; вероятно, гордость и делала Артура глупцом, но то же можно сказать о любом из нас. Я помолчал, размышляя. — Он много о чем мечтал. Мечтал о свободной Британии, мечтал разгромить саксов, а в глубине души ему хотелось, чтобы Гвиневера постоянно подтверждала: он — достойный человек. А когда она переспала с Ланселотом, Артур убедился, что уступает Ланселоту как мужчина. Конечно же, правды в том нет — но ему было больно. О, как больно. В жизни не видел, чтобы человек так мучился. Гвиневера истерзала ему сердце.

— И он запер ее в заточении? — гнула свое Игрейна.

— Именно, — кивнул я, вспоминая, как меня против воли заставили отвезти Гвиневеру в храм Святого Терния в Инис-Видрине, где тюремщицей ей стала сестра Артура Моргана. Гвиневера и Моргана друг друга терпеть не могли. Одна была язычницей, другая — христианкой; и в тот день, когда я запер за Гвиневерой ворота обители, я видел, как она плачет — едва ли не впервые. «Она останется там до самой смерти», — сказал мне Артур.

— Мужчины ужасно глупые, — объявила Игрейна и глянула на меня искоса. — А ты когда-нибудь изменял Кайнвину?

— Нет, — ответил я, и не солгал.

— А хотелось?

— О да. Похоть не исчезает даже в счастье, госпожа. Кроме того, много ли стоит верность, не прошедшая испытания?

— По-твоему, верность чего-то стоит? — бросила Игрейна, и я задумался, который из молодых красавцев-воинов в крепости ее мужа привлек внимание королевы. Сейчас, конечно, беременность не позволит ей натворить глупостей, но я опасался, не случится ли чего потом. Может, и не случится.

Я улыбнулся.

— Мы ждем верности от наших возлюбленных, госпожа, так стоит ли удивляться, что они ждут верности от нас? Верность — наш дар тем, кого мы любим. Артур подарил свою верность Гвиневере, но она не смогла отдарить его тем же. Ей хотелось иного.

— Чего же?

— Славы; а вот у Артура к славе душа не лежала. Он достиг славы, однако наслаждаться ею не умел. А ей был нужен эскорт из тысячи всадников, и чтобы над головой реяли цветные знамена, и чтобы весь остров Британия лежал у ее ног. А он мечтал лишь о справедливости да богатых урожаях.

— И о свободной Британии, и о победе над саксами, — сухо напомнила мне Игрейна.

— Верно, — подтвердил я, — и еще об одной вещи — больше всего прочего, вместе взятого. — Я поулыбался своим воспоминаниям, а потом подумал, что из всех Артуровых устрем-

лений и замыслов этот последний, пожалуй, осуществить оказалось особенно трудно, и мало кто из нас, его друзей, верил, что Артуру всерьез хочется именно этого.

— Продолжай, — молвила Игрейна, решив было, что я начинаю клевать носом.

— Он мечтал всего-то-навсего об участке земли, об усадьбе и собственной кузнице, и чтобы скотина рядом паслась. Ему хотелось быть самым обычным человеком. Хотелось, чтобы за Британией приглядывали другие, пока сам он ищет счастья.

— И что, так и не нашел? — не отступалась Игрейна.

— Нашел, — заверил я. — Нашел, но не тем роковым летом сразу после бунта, поднятого Ланселотом. То было кровавое лето, пора воздаяния: в ту пору Артур силой меча заставил мятежную Думнонию покориться.

Ланселот бежал на юг, в принадлежащие ему земли белгов. Артур охотно бросился бы в погоню, но на тот момент Кердиковы саксы представляли собою опасность куда более серьезную. К тому времени как мятеж был подавлен, они продвинулись до самого Кориниума, и, чего доброго, захватили бы город, кабы боги не наслали на захватчиков моровое поветрие. Заболевших безостановочно выворачивало наизнанку, рвало кровью, люди слабели, не держались на ногах — а когда недуг распространился по всему лагерю, тут-то на саксов и обрушилось Артурово войско. Кердик попытался привести армию в боевой порядок, но саксы, уверившись, что боги их покинули, обратились в бегство. «Они вернуться, — сказал мне Артур над кровавыми останками разгромленного Кердикова арьергарда. — Вернутся следующей весной». Он вытер Экскалибур о запятнанный кровью плащ и вложил клинок в ножны. В ту пору Артур отпустил бороду — и в бороде серебрилась седина. Так он выглядел старше, куда старше своих лет; боль от предательства Гвиневеры изменила его черты, вытянутое лицо осунулось еще больше; те, кто прежде Артура не знал, ныне отшатывались от него в страхе, а сам он ничего не делал, чтобы смягчить впечатление. Он всегда был человеком терпеливым; теперь же гнев клокотал у самой поверхности: того и гляди прорвется, дайте лишь пустячный повод.

То было кровавое лето, пора воздаяния, и Гвиневере суждено было томиться взаперти в храме Морганы. Артур вынес жене приговор, и похоронил ее заживо, и повелел страже держать ее там вечно. Гвиневера, принцесса Хенис-Вирена, исчезла из мира.

* * *

«Не глупи, Дерфель, — рявкнул на меня Мерлин неделю спустя, — да она оттуда выйдет, двух лет не пройдет! Или даже года. Если бы Артур всерьез хотел вычеркнуть ее из жизни, он бы послал ее на костер — именно так ему и следовало поступить. Ничто так не укрепляет благонравия женщины, как жаркое пламя, да только что толку объяснять это Артуру! Недоумок в нее влюблен! Недоумок и есть. Ты подумай: Ланселот жив-здоров, и Мордред живехонек, и Кердик жив, и Гвиневера тоже жива! Да-да, у меня все хорошо, спасибо, что спросил».

«Я спросил раньше, — терпеливо напомнил я, — но ты не обратил внимания».

«Да со слухом нелады, Дерфель. Оглох, совсем оглох. — Мерлин хлопнул себя по уху. — Глух как пень. Старость, Дерфель, не радость. Дряхлею на глазах».

Ага, держи карман! Выглядел Мерлин куда лучше, чем в последние годы, слух его небось остротой не уступал зрению — а зрение, при его восьмидесяти с чем-то годах, было что у ястреба. Мерлин не одряхлел, нет, напротив, словно бы обрел новую силу благодаря Сокровищам Британии. Эти тринадцать Сокровищ — древние, как сама Британия, — были утрачены, но спустя много веков Мерлин сумел наконец-то их отыскать. Властью Сокровищ возможно было призвать древних богов обратно в Британию. Никто и никогда не проверял, так ли это, однако теперь, в беспокойный для Думнонии год, Мерлин намеревался воспользоваться Сокровищами, дабы сотворить великую магию.

Я отправился к Мерлину в тот же день, как отвез Гвиневеру в Инис-Видрин. Лил проливной дождь; поднявшись на Тор,

я почти ожидал застать Мерлина на вершине, но там было уныло и пусто. Некогда Мерлину принадлежал просторный чертог на Торе с пристроенной к нему башней снов, но чертог сгорел. Я стоял среди развалин во власти безысходного отчаяния. Артур, мой друг, ранен в самое сердце. Моя возлюбленная Кайнвин — в далеком Повисе. Две мои дочери, Морвенна и Серена, с матерью, а Диан, младшенькая, в Ином мире: отослана туда одним из Ланселотовых мечников. Все мои друзья либо мертвы, либо далеко. Саксы готовятся дать нам бой по весне, дом мой — зола и пепел, жизнь моя безотраднa. Может, мне просто передалась печаль Гвиневеры, однако ж в то утро, на омытом дождями холме Инис-Видрина, я чувствовал себя одиноким, как никогда в жизни. Я преклонил колена в грязи на пепелище и помолился Белу, прося о знаке: пусть подтвердит, что богам и впрямь есть до нас дело.

Знак был явлен неделю спустя. Артур отправился с набегом на восток, к саксонской границе, а я остался в Кар-Кадарне — дожидаясь возвращения Кайнвин с дочерьми. На той же неделе Мерлин со своей спутницей Нимуэ отправились в огромный пустой дворец близ Линдиниса. Когда-то я жил там как наставник Мордредa, нашего короля, но, когда Мордред достиг совершеннолетия, дворец передали епископу Сэнсаму под монастырь. С тех пор монахов Сэнсама выдворили из гордых римских чертогов восвояси и прогнали взашей мстительные копейщики, и громадный дворец стоял заброшенным.

Местные рассказали нам: друид во дворце. Наперебой толковали о призраках, о чудесных знаменьях, о богах, разгуливающих под покровом ночи, так что я поскакал во дворец, но никакого Мерлина там не обнаружил. Две-три сотни людей встали лагерем перед дворцовыми воротами и взволнованно пересказывали байки о ночных видениях. Послушав их, я упал духом. Думнония едва пережила безумие христианского бунта, питаемое ровно такой же суеверной одержимостью, а теперь вот похоже на то, что язычники того и гляди сравняются с сумасшедшими христианами. Я толкнул дворцовые ворота, пересек широкий внутренний двор и прошелся по пустым

покоюм Линдиниса. Я звал Мерлина по имени, но ответа мне не было. В одной из кухонь я обнаружил еще теплый очаг, а соседнюю комнату вроде бы недавно подметали, но жить там никто не жил, кроме разве мышей и крыс.

Однако весь день напролет в Линдинис стягивался народ. Люди ехали со всех концов Думнонии, и в лицах их читалась трогательная надежда. Люди везли своих калек и недужных и терпеливо ждали до сумерек; с наступлением вечера дворцовые ворота распахнулись, и собравшиеся хлынули во внешний двор: кто шел, кто ковылял, кто полз, иных несли на руках. Я готов был поклясться, что еще недавно в громадном здании не было ни души, но кто-то ведь открыл ворота и зажег огромные факелы в сводчатых нишах!

Я смешался с толпой; народу все прибывало. Меня сопровождал Исса, мой заместитель; мы встали у ворот — оба в длинных темных плащах. По моим прикидкам, собрались здесь главным образом селяне. Бедно одетые, лица смуглые, изможденные — так выглядят замученные землепашцы, тяжким трудом добывающие хлеб насущный, однако ж в слепящем свете факелов лица эти дышали надеждой. Артур бы помрачнел: он терпеть не мог дурачить страдающих людей иллюзиями, но как же нужна была надежда этой толпе! Женщины держали на руках недужных младенцев, выталкивали детей-калек в первые ряды, и все жадно слушали байки о чудесных явлениях Мерлина. То была третья ночь чудес, и к тому времени полюбоваться на диво дивное своими глазами хотело столько людей, что все уже во дворе не вмещались. Кое-кто взгромоздился на стену позади меня, другие толклись в воротах, но никто не дерзнул ступить на галерею, окружившую двор с трех сторон: четверо воинов охраняли многоколонный крытый переход, удерживая толпу на расстоянии при помощи длинных копий. То были черные щиты, ирландские копейщики из Деметии, королевства Энгуса Макайрема. И что, спрашивается, их занесло так далеко от дома?

В небесах погас последний отблеск дня; над факелами порхали летучие мыши; люди устроились поудобнее на плитах

и выжидательно глядели на главный дворцовый вход, расположенный напротив внешних врат. То и дело с губ какой-нибудь из женщин слетал протяжный стон. Плакали дети; их унимали. Четверо копейщиков присели на корточки по углам галереи.

Мы ждали. Казалось, прошли часы; мысли мои блуждали, я думал о Кайнвин и о моей погибшей дочери Диан, как вдруг во дворце раздался оглушительный грохот, точно копьём ударили по котлу. Толпа охнула; иные из женщин поднялись с земли. Раскачиваясь из стороны в сторону, они махали руками, зывали к богам, но никаких привидений не появилось, а массивные дворцовые двери оставались закрыты. Я дотронулся до железной рукояти Хьюэлбейна — и приободрился. Толпа балансировала на грани истерии, это слегка пугало, но еще больше тревожила ситуация как таковая: на моей памяти Мерлин, творя магию, не нуждался в зрителях, напротив, всей душой презирал друидов, собиравших целые толпы. «Недоумков-то любой ловкач удивит», — приговаривал он. Сегодня ночью, похоже, удивлять недоумков собрался не кто иной, как он. И ведь добился своего: толпа изнывала от нетерпения, люди стонали, раскачивались, а когда металлический лязг грянул снова, все повскакивали на ноги и принялись громко выкликать имя Мерлина.

И тут дворцовые двери распахнулись, и гомон постепенно затих.

Мгновение-другое дверной проем зиял чернотой, а затем из тьмы выступил юный воин в полном битвенном доспехе — выступил и встал на верхней ступени галереи.

Ничего волшебного в нем не было, если не считать красоты. Другого слова просто не подберешь. В мире параличных рук, увечных ног, зобастых шей, испещренных шрамами лиц и усталых душ этот воин был несказанно прекрасен. Высокий, стройный, златовласый; в безмятежном лице его читалась доброта, иначе и не скажешь... нет, кротость. Глаза его сияли поразительной синевой. Шлема на нем не было, и волосы, длинные, как у девушки, падали ниже плеч. На нем был сверкающий белый нагрудник, белые наголенники; ножны тоже лучились

белизной. Доспех не из дешевых; я поневоле задумался, кто этот незнакомец. Мне казалось, я знаю большинство воинов Британии — по крайней мере тех, кто может себе позволить подобное снаряжение, — но этого я не знал. Юноша улыбнулся толпе, а затем воздел руки, жестом призывая толпу преклонить колена.

Мы с Иссой остались стоять. Может, воинская гордость выграла, а может, просто хотели лучше видеть поверх голов.

Длинноволосый юноша не произнес ни слова, но как только все опустились на колени, он благодарно улыбнулся и прошел вдоль галереи, гася факелы — вытаскивал их из скоб и опускал в бочки с водой, поставленные тут же, наготове. Я понял: это представление, причем тщательно отрепетированное. Двор постепенно погружался во тьму, и вот наконец единственными источниками света остались два факела над массивной дворцовой дверью. Луны почти не было видно, ночь выдалась зябкая и темная.

Белый воин встал под скрещенными факелами.

— Дети Британии, — промолвил он, и голос его оказался под стать красоте — нежный, хватающий за душу, — молитесь богам своим! В этих стенах хранятся Сокровища Британии; скоро, очень скоро сила их вырвется на волю. Ныне же, дабы вы сами убедились в их могуществе, пусть боги говорят с нами.

С этими словами юноша затушил последние два факела — и воцарилась крошечная тьма.

Ничего не произошло. Над толпой поднялся гул, люди зывали к Белу, и Гофаннону, и Гранносу, и Дон, умоляя их явить свою мощь. По спине у меня побежали мурашки, и я судорожно стиснул рукоять Хьюэлбейна. Или это боги нас окружают? Я поднял глаза — туда, где между облаками искрился звездный лоскут, — и вообразил себе, что там, в вышнем небе, парят великие боги. И тут Исса охнул, и я отвел взгляд от звезд.

И в свою очередь задохнулся от изумления.

Из темноты появилась девушка — нет, не девушка, девочка на пороге взросления. Такая нежная, прелестная своей юно-

стью, грациозная в своей прелести, нагая, как новорожденный младенец. Тоненькая и хрупкая, с маленькими упругими грудками и длинными стройными бедрами. В одной руке она несла букет лилий, в другой — узкий клинок.

Я стоял и смотрел во все глаза. Ибо в темноте — в зыбкой темноте, воцарившейся, едва загасили факелы, — девушка светилась. В самом деле светилась! Мерцала переливчатым белым светом. Этот неяркий отблеск не слепил глаза, он просто был там, точно звездной пылью припорошив бледную кожу. Распыленное, точно невесомая пудра, сияние коснулось ее тела, и ног, и рук, и волос — но не лица. Мягко светились лилии, блестело и лучилось длинное тонкое лезвие меча.

Мерцающая девушка шла по галерее. Столпившиеся во дворе бедолаги протягивали к ней парализованные руки и ноги и недужных детей; она словно не замечала. Не обращала внимания, словно их и нет, — шла себе и шла легкими изящными шажками вдоль галереи, обратив затемненное лицо к камням. Невесомая как перышко. Она будто погрузилась в себя, затерялась в собственных грезах: люди стонали, зывали к ней... она не поднимала глаз. Просто шла; странный свет мерцал на ее теле, на руках и ногах и на длинных черных волосах, что густым ореолом обрамляли лицо — черную маску на фоне нездешнего сияния; не знаю отчего, интуитивно, наверное, я чувствовал: лицо это прекрасно. Она приблизилась к тому месту, где стояли мы с Иссой, и вдруг подняла голову и обратила непроглядно-черное лицо к нам, поглядела в нашу сторону. Я почуял смутно знакомый запах моря, а затем так же внезапно, как появилась, она скрылась за дверью — и над толпой пронесся вздох.

— Что это было? — шепнул мне Исса.

— Не знаю, — отозвался я. Мне было страшно. Это не безумие, это настоящее, я же сам это видел, но что? Богиня? Откуда тогда запах моря?

— Может, она из сонма духов Манавидана, — шепнул я Иссе. Манавидан — бог моря; уж верно, его нимфы пахнут солью.

Следующего видения пришлось ждать долго, а когда оно наконец явилось, то оказалось куда менее впечатляющим, нежели

сияющая морская нимфа. На крыше дворца возникла тень — черная фигура, медленно обретшая очертания вооруженного, закутанного в плащ воина в чудовищном шлеме, увенчанном рогами могучего оленя. В темноте его с трудом можно было разглядеть, но вот из-за облака проглянула луна, и мы увидели, кто он, и толпа застонала. Он возвышался над нами, протирая руки, а лицо его закрывали широкие нащечные пластины шлема. В руках он держал копье и меч. Постоял так мгновение и тоже исчез, хотя я готов был поклясться, что слышал, как по дальнему своду крыши соскользнула черепица.

И тут, едва он скрылся, вновь возникла нагая девушка, хотя на сей раз ощущение было такое, словно она просто-напросто материализовалась на верхней ступени галереи. Только что там царила тьма, а в следующий миг возникла стройная мерцающая фигурка — недвижимая, прямая, сияющая. Лицо ее по-прежнему терялось во мраке и казалось маской тьмы в обрамлении пронизанных светом волос. Девушка постояла неподвижно секунду-другую, а затем начала танцевать — медленно, неспешно, изящно вытягивая носок, двигаясь в прихотливом узоре на одном и том же месте то по кругу, то вперед-назад. Танцуя, она не поднимала головы. Мерцающий нездешний свет словно втирали ей в кожу, ибо где-то он сиял ярче, а где-то — бледнее, но, уж верно, здесь потрудились не рука человека.

Теперь и мы с Иссой преклонили колена: ведь нам был явлен знак богов, не иначе. Свет во тьме, красота среди упадка. А нимфа все танцевала и танцевала, и сияние ее тела медленно угасало: вот она померкла до неясного видения мерцающей прелести в тени галереи, замерла, широко раскинула руки, развела ноги, бесстрашно поглядела на нас — и растаяла.

Мгновение спустя из дворца вынесли два пылающих факела. Толпа разразилась криками: люди взывали к богам и требовали Мерлина, и наконец он и в самом деле появился из дворцового входа. Белый воин нес один из факелов, а одноглазая Нимуэ — второй.

Мерлин дошел до верхней ступеньки и встал там — высокий и статный, в длинном белом облачении. Толпа бесновалась

и кричала, он не вмешивался. Его седая борода, ниспадающая едва ли не до пояса, была заплетена в косицы, перевитые черными лентами, точно так же, как его длинные белые волосы. Выждав немного, Мерлин воздел черный посох, требуя молчания.

— Вы что-либо видели? — ревниво осведомился он.

— Да, да! — надрывалась толпа.

На морщинистом, умном, лукавом лице Мерлина отразилось довольное удивление, как если бы он понятия не имел, что такое произошло во дворе.

Он улыбнулся, шагнул в сторону и призывно взмахнул свободной рукой. Двое детишек, мальчик и девочка, вышли из дворца, неся Котел Клиддно Эйддина. Сокровища Британии были невелики собою и весьма заурядны, а Котел — истинное Сокровище — из всех тринадцати обладал наибольшим могуществом. То была громадная серебряная емкость, украшенная золотыми накладками, изображающими воинов и животных. Дети, с трудом управляясь с этакой тяжестью, водрузили Котел рядом с друидом.

— Сокровища Британии у меня! — возвестил Мерлин, и над толпой пронесся благоговейный вздох. — Скоро, очень скоро, — продолжал он, — могущество Сокровищ явит себя в полной мере. Британия возродится! И враги наши сгинут! — Мерлин помолчал, дожидаясь, чтобы утасло эхо ликующих возгласов. — Нынче ночью вы видели силу богов, но это лишь малая толика, пустяк, ерунда. Скоро вся Британия узрит то же, но, дабы призвать богов, мне нужна ваша помощь.

Толпа взревела, обещая: помощь будет, — и Мерлин одобрительно просиял. Эта благодушная улыбка укрепила мои познания, что старик ведет с народом некую сложную игру. Но ведь даже Мерлин, твердил я себе, не может сделать так, чтобы девушка светилась в темноте. Я ее своими глазами видел! Мне отчаянно хотелось верить — и воспоминание о гибкой, мерцающей фигурке убеждало меня: боги нас не оставили.

— Приходите на Май-Дан! — сурово велел Мерлин. — Приходите на столько дней, на сколько сможете, и еды не забудьте

принести. Если найдется оружие, приходите с оружием. На Май-Дане станем мы трудиться сообща, и труды наши будут долгими и тяжкими, а на Самайн, когда по земле разгуливают мертвые, мы все вместе призовем богов. Вы — и я!

Он помолчал — и направил острие посоха на толпу. Черный посох дрогнул, словно выискивая кого-то, и нацелился на меня.

— Лорд Дерфель Кадарн! — воскликнул Мерлин.

— Господин? — отозвался я, изрядно сконфуженный тем, что меня выделили среди прочих.

— Дерфель, ты останься. Остальные — ступайте. Ступайте по домам, ибо боги не вернуться более вплоть до кануна Самайна. Ступайте домой, займитесь полем и пашней, затем приходите на Май-Дан. Приносите топоры и снедь и готовьтесь узреть своих богов в величии славы. А теперь ступайте! Ступайте!

Толпа покорно разошлась. Многие останавливались, чтобы дотронуться до моего плаща, ведь я был в числе воинов, добывших Котел Клиддно Эйддина из тайника на Инис-Моне, и это, по крайней мере в глазах язычников, делало меня героем. Прикасались люди и к Иссе, ведь он тоже был Воином Котла; однако, когда двор опустел, Исса остался ждать у врат, а я пошел к Мерлину. Поздоровался с ним, но друид сразу отмел все мои расспросы о его здоровье, а вместо того полюбозытствовал, как мне понравились недавние события.

— Что это было? — осведомился я.

— Что «это»? — невинно переспросил он.

— Девушка в темноте.

Мерлин захлопал глазами в деланом изумлении:

— Ах, она снова здесь была, да? Как интересно! Крылатая девушка — или та, что светится? Светящаяся?.. Нет, Дерфель, я понятия не имею, кто она. Я не в силах разгадать все тайны этого мира. Ты переобщался с Артуром и теперь, подобно ему, веришь, будто все на свете непременно имеет тривиальное объяснение. Увы, боги нечасто изъясняются внятно. Как насчет пособить отнести Котел внутрь?

Я подхватил тяжеленный Котел и перетащил его в многоколонный приемный зал. Когда я заходил туда раньше в тот же день, помещение было пустым; теперь там обнаружилось ложе, и приземистый стол, и четыре железные подставки для масляных светильников. На ложе восседал юный длинноволосый красавец-воин в белых доспехах: он улыбнулся, не вставая с места, а Нимуэ, в истрепанных черных одеждах, поднесла зажженную свечу к фитилям.

— Еще днем зал был пуст, — укоризненно произнес я.

— Тебе, верно, померещилось, — беспечно отмахнулся Мерлин. — Может, мы просто не пожелали тебе показаться. Ты знаком с принцем Гавейном? — Он указал на юношу, тот встал и приветственно поклонился мне. — Гавейн — сын короля Будики Броселиандского, а значит, приходится Артуру племянником.

— Приветствую, принц, — поздоровался я с Гавейном. Я слышал про Гавейна, а вот встречаться не доводилось. Броселианд, бриттское королевство за морем, в Арморике, с недавних пор осаждали франки, так что гости оттуда у нас бывали нечасто.

— Польщен знакомством, лорд Дерфель, — учтиво произнес Гавейн, — ибо слава твоя распространилась далеко за пределы Британии.

— Не пори чуши, Гавейн, — оборвал его Мерлин. — Слава Дерфеля вот разве что ему в тупую голову ударила, но дальше не пошла. Гавейн приехал помочь мне, — пояснил друид.

— Помочь — в чем?

— Ну, должен же кто-то оберегать Сокровища, сам понимаешь. Он — блестящий копейщик, гроза недругов, по крайней мере, так говорят. Это правда, Гавейн? Ты и впрямь грозен?

Гавейн лишь улыбнулся в ответ. Особо грозным он не выглядел, поскольку был еще очень юн: на вид от силы лет пятнадцать-шестнадцать, и бритва еще не касалась его щек. Длинные светлые локоны придавали ему сходство с девушкой, а белые доспехи, что издалека выглядели такими дорогостоящими, при ближайшем рассмотрении оказались самыми обыкновенными: железо обмазали известковым раствором, вот и все.

Если бы не его спокойная уверенность и вдохновенная красота, Гавейн был бы смехотворен.

— Ну, так что ты подельывал со времен нашей последней встречи? — призвал меня к ответу Мерлин. Тогда-то я и рассказал ему о Гвиневере — о том, что королеве суждено пробыть в заточении до самой смерти, — а друид меня безжалостно высмеял. — Артур — бестолочь, — твердил он. — Гвиневера, может, и умница, каких мало, да только ему она незачем. Ему нужна какая-нибудь дуреха попроще, чтоб постель согревала, пока он там разбирается с саксами. — Мерлин присел на ложе и улыбнулся двум детишкам — тем самым, что вытаскивали Котел во двор, а теперь вот принесли ему блюдо с хлебом и сыром и флягу с медом. — Ужин! — радостно воскликнул он. — Присоединяйся ко мне, Дерфель, будь так добр, мы желаем потолковать с тобой. Да садись же! На полу вполне даже удобно, сам убедишься. Садись рядом с Нимуэ.

Я сел. До сих пор Нимуэ меня подчеркнуто не замечала. Пустую глазницу — недостающий глаз был вырван неким королем — прикрывала повязка, а волосы, стриженные совсем коротко перед тем, как мы поехали на юг, в Морской дворец Гвиневеры, немного отросли, хотя и не слишком: с виду — как есть мальчишка. Нимуэ, похоже, злилась; впрочем, злилась она всегда. Жизнь ее была посвящена одной-единственной цели: она искала богов и презирала все, что отвлекало ее от поисков, и, верно, считала иронические шуточки Мерлина пустой тратой времени. Мы с Нимуэ выросли вместе, и за многие годы с тех пор, как мы перестали быть детьми, я не раз и не два спасал ей жизнь. Я кормил ее и одевал, однако ж она обращалась со мной как с недоумком.

— Кто правит Британией? — внезапно спросила меня она.

— Неправильный вопрос! — с неожиданной горячностью одернул ее Мерлин. — Неправильный!

— Ну? — настаивала она, не обращая внимания на разъяренного Мерлина.

— Никто не правит Британией, — признал я.

— Ответ верный, — мстительно откликнулся Мерлин. Его дурное настроение изрядно встревожило Гавейна: тот стоял

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Костры Май-Дана	13
Часть вторая. Минидд-Баддон	153
Часть третья. Проклятие Нимуэ	317
Часть четвертая. Последнее волшебство	473
Историческая справка	538